

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Ловушка для филантропа

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

На днях в фонд пришла Наталья Гринева, генеральный директор ЗАО «Интернейшл муви техникс» (International Movie Technics, IMT), и рассказала о «большой несправедливости». Налоговая инспекция только что списала с IMT 600 тыс. руб. как недовнесенную часть налога на прибыль. Госпожа Гринева намерена обратиться в суд.

А история следующая. В апреле прошлого года Юго-Восточное окружное управление московского комитета образования обратилось в IMT с просьбой «об инвестиционной поддержке» детсада № 480. Проще говоря, попросило денег на ремонт и благоустройство этого учреждения для детей с плохим зрением. Просьба мотивировалась нехваткой бюджетного финансирования (40% от нормы) и «необходимостью содержать детей в чистоте». Но был аргумент и посущественней. Как заверил компанию начальник управления Иван Гудков, «уважаемый инвестор» от своей благотворительности ничего не потеряет, а деткам польза. Потому что в соответствии с законом Москвы № 35 от 29.11.2000 г. «О ставках и льготах по налогу на прибыль» (ст. 4 п. 2а), сумма средств, направленных на финансирование целевой программы развития образования на 2001 год (постановление правительства Москвы от 13.02.2001 г. № 134), уменьшает сумму налога на прибыль на размер помощи.

Тогда же IMT и господин Гудков заключили договор. Компания перечислила 600 тыс. руб. детсаду. Между прочим, годом раньше IMT именно этому саду купила кровати, игрушки и стиральную машину на 100 тыс. руб. Компания воспользовалась тогда трехпроцентной федеральной льготой для благотворителей, ликвидированной с этого года. И теперь IMT рассматривала свою помощь как филантропию. Ее взнос потрачен тоже по-хозяйски. Холл, спальни и танцзал отремонтированы, куплены новые двери. На деньги IMT 480-й садик засиял как яичко ко Христову дню.

Тем временем вокруг этих 600 тыс. завелась какая-то чертовщина. 11 мая 2001 года Мосдума утвердила перечень объектов, на инвестиции в которые распространяются льготы. По Юго-Восточному округу это 20 объектов. Но 480-го садика среди них нет. 29 октября господин Гудков просит начальника управления бюджетного планирования городского заказа правительства Москвы Марию Оглоблину внести в перечень 480-й детсад. В ноябре Мосдума утвердила поправки, но 480-го сада там так и нет.

Дальнейшее уже известно. Хотя и непонятно. Ну какой резон окружной и городской администрации целый год дурить вполне достойную компанию? Почему апрельский договор Гудкова и IMT не попал в майский перечень Мосдумы? И почему управление Гудкова лишь в октябре обратилось к госпоже Оглоблиной с просьбой о замене? Я бы еще понял, будь здесь коварства: чиновники надули IMT ради прибавки инвестиций. Допустим, получили искомые 17,5 млн руб. на объекты перечня, а тут еще прибавочка в 600 тыс. от лоха-инвестора. Так не было 17 млн! Ни одному из 20 объектов перечня, сообщали в окружном управлении образования, и копейки не перешло.

Тогда почему пострадала IMT? Заместитель начальника окружного управления Аркадий Лифшиц считает, что это козни ведомства госпожи Оглоблиной. При мэрии есть унитарное предприятие «Мосспецрасчет» для поисков инвесторов, оно получает за услуги 3%. IMT передала деньги прямо в сад, вот и поплазилась.

Заместитель госпожи Оглоблиной Ольга Трофимова категорически отвергает эту версию. Она уверяет, что поиск инвесторов — обычное дело самих округов. Заодно госпожа Трофимова сообщила и вовсе удивительное: округ в качестве замены предлагал отсутствующее в перечне объекты!

То есть налицо чиновничья чехарда, в которой мало здравого смысла, зато много издевательств и, как видим, сплошная морока и прямой обход законопослушным филантропам.

Я думаю, госпожа Трофимова не очень-то заблуждается, когда утверждает, что целевые программы благотворительностью и не пахнут. Программы, по ее мнению, создаются только ради ускорения оборота финансов. Ведь, следуя бюджетным путем, надо прежде собрать налоги, зачислить их в доход и уж потом делить между нуждающимися. А тут деньги сразу высыпаются в заранее назначенные объекты, и город без бюджетных проволочек решает застарелые проблемы народного образования.

Однако на самом деле ни льготами, ни бюджетом целевые программы тоже не пахнут. Наоборот, собранные под целевые программы, эти деньги не дополняют, а урезают бюджет, что само по себе либо головоушиб, либо порождение коррумпции.

Что же касается филантропии, то авторы целевых программ смотрят куда шире, чем исполнители. Они эксплуатируют самое важное сегодня качество благотворительности, о котором мечтают филантропы. А именно возможность помогать адресно, напрямую и с гарантией отчета об использовании средств. Авторы только подзабыли, что благотворительность — это все-таки сначала движение души, а уж потом движение денег. Что филантропия — это зона душевной свободы, и навязанные сверху перечни здесь не работают.

Мне искренне жаль руководство компании IMT и ее владельца итальянца Армандо Гроттеси (Armando Grottesi). Их шансы отсудить свое у московского чиновничества мне представляются призрачными. Кстати, IMT — это тот самый малый бизнес, о котором так модно сейчас проявлять заботу. IMT занимается прокатом кинотехники: операторских тележек и кранов, осветительной аппаратуры. С помощью этой техники и сняты «Утомленные солнцем», «Сибирский цирюльник», «Любить по-русски».

Теперь же господин Гроттеси познал любовь по-московски.

«Я верю, все еще будет: и любовь, и семья, и дети»

Надя Живаева пришла к нам в фонд накануне Первой и с удовольствием позировала фотокорпортеру. Высокая, стройная, она легко стояла перед ним. И очень старалась не глядеть на костыли.

Надя Живаева пришла к нам в фонд накануне Первой и с удовольствием позировала фотокорпортеру. Высокая, стройная, она легко стояла перед ним. И очень старалась не глядеть на костыли.

Надя не могла прийти раньше. Она вообще несколько лет не выходила из квартиры в своем Горно-Алтайске. Да и с постели поднималась редко. Она не могла сидеть, ходить, стоять. У Нади ревматоидный полиартрит, первая группа инвалидности и приговор местных врачей, согласно которому четыре стены и койка являлись до конца жизни ее единственной средой обитания.

Теперь приговор отменен. Это сделал хирург Института ревматологии РАМН (Москва) и наши читатели, заплатив \$5055 за стоимость эндортезирование левого тазобедренного сустава.

Средство от смерти

Кювез для младенца все равно что скафандр для космонавта, выходящего в открытый космос фото василия шапошникова

Дорогой читатель, сейчас специальный корреспондент „Ъ“ ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН будет просить денег для московского благополучного, престижного и, может быть, лучшего в стране родильного дома. Не думайте, будто корреспондент сошел с ума. Просто пора научиться давать деньги не самым бедным, а тем, кто умеет работать.

Это клиника акушерства и гинекологии в начале Пироговской улицы в Москве. Вы же знаете, как устроена Пироговская улица. Она устроена, как жизнь. У нее в начале роддом, а в конце — кладбище. Лупо будет, если я скажу, что достойно нужно не только умирать, но и рождаться?

Клиника принадлежит Московскому мединституту имени Сеченова (бывший Первый мед). Это огромное учреждение, небольшие фонды, но на всех не хватает. Восемь лет назад клиника была оборудована по последнему слову техники, но техника каждый год приносит какое-нибудь новое слово. Тогда помогла Наина Ельцина. Сейчас Людмила Путина занимается все больше образованием, а пластиковая крышка кювеза, инкубатора для недоношенных младенцев, открывается и закрывается десять раз в день.

— Даже в реанимации с этим лучше, — говорит мне заведующая отделением врач-неонатолог Ольга Паршикова. — В реанимации кладут ребенка в кювез на десять дней, а мы, может быть, кладем на несколько часов, а потом кювез нужно вымыть, и он ломается, и крышка падает, и хорошо, что у нас было только медсестричке по ноге, ужас подумать, если бы по младенцу.

Мы сидим в кабинете Паршиковой, пьем кофе и едим торт. У них сегодня очаровательная молодая женщина-невропатолог уходит в декрет. Поздно торт. У меня возникает странное и любимое чувство,

что вокруг меня жизнь, что тут вокруг все подряд рождаются, выдворяливают, выживают. Ольга Паршикова говорит, что в роддоме могут работать только холерики. Схватил, побежал, вылезал, заметил, не пропустил, завел остановавшегося было крохотное жесткое сердечко величиной с пятак. Жизнь вокруг. За восемь лет у доктора Паршиковой не умер ни один младенец. Она приняла двадцать тысяч родов. Это поселок городского типа.

Она говорит, что их работа незаметна. Ребенок родился, закричал — и у всех счастье. Мама лежит с дурной улыбкой, папаша пошел выпивать, а проблемы на самом деле только начинаются.

Дело в том, что в клинику акушерства и гинекологии Первого меда здоровые женщины ложатся редко. — Здоровая может и в поле родить, — говорит Паршикова. — У нас рожают немолдые женщины, женщины с диабетом, женщины после искусственного оплодотворения. Вы представляете, сколько она выстрадала из-за этого ребенка? Его нельзя терять. Да никакого нельзя терять.

В кабинете полно народу. Врачи собрались проводить молоденькую коллегу в декрет. У них тут генетик, ультразвуковик, как они это называют. У них по отделению приказ брать

Модернизация отделения новорожденных обойдется в \$56 665

По расчетам клиники акушерства и гинекологии ММА имени Сеченова, отделению новорожденных необходимы: 5 инкубаторов (кювезы) Amelette для выхаживания новорожденных, \$6380 за 1 шт.; 4 лампы фототерапии FTL, \$2550 за 1 шт.; 8 насосов «Компакт» (B/Braun, ФРГ), \$1740 за 1 шт.; 15 флуоресцентных ламп-трубок, 20 Вт, \$43 за 1 шт. Всего — \$56 665. Реквизиты поставщика есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

у всех подряд новорожденных на анализ крови из пуповины, чтобы не травмировать лишний раз ребенка и уже заранее знать группу крови и концентрацию в крови какой-то там дряни, которая вызывает желтуху новорожденных.

— Подумаешь, желтуха, говорю я, — она же сама проходит? — Если легкая, то проходит. А если, — Паршикова называет умным словом это вызывающее желтуху вещество, — концентрация его выше нормы, то начинают разрушаться кора головного мозга. Ребенок может вырасти дураком, попросту говоря.

Для лечения желтухи нужны специальные лампы. Они стоят две тысячи пятьсот пятьдесят долларов каждая. Их надо много. Они ломаются. — Что ж там стоит-то, да с половинной тысячей? — Не знаю, — говорит Паршикова. — Лампа. Я же ничего в этом не понимаю.

Она может на глаз в третий день от рождения отличить естественно родившегося ребенка от ребенка, родившегося кесаревым сечением. Она может по звуку дыхания определить, что у ребенка неправильно сформирован пищевод и дыхательные пути, и если начать его кормить, то он захлебнется и умрет, а если срочно прооперировать, то будет здоров. Она по движению ручек видит, что у младенца проблемы с сахаром

в крови. Или что акушеры пропустили перелом ключицы, которая может проткнуть легкое, и тогда смерть. Но смерти нет. Смерти здесь нет. Медсестра стучит Паршиковой в стекло последнего рододового бокса. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что у ребенка там, за стеклом, остановилось сердце. Двух минут достаточно, чтобы ребенка интубировать, реанимировать и подключить к аппарату.

Я видел их. Они смешные. Глупые родители боятся, что их детей перепутают, а перепутать нельзя. Лица очень разные. Серьезные, как будто малыши собрались на какое-нибудь заседание. Паршикова всех помнит. Вот у этого проблемы с дыханием, у этого с сердцем, у этого с почками. Она говорит:

— Вы понимаете, у новорожденных резервы организма бесшестые. Мы их стараемся даже не лечить медикаментами. Им надо только немножко помочь, и тогда в эти первые семь дней они сами справятся с незаметными болезнями, которые иначе станут пороком сердца, пиелонефритом, да мало ли чем еще. Часто просто достаточно положить ребенка в кювез, осветить на него лампой и дать жидкости.

Вот он, ребенок в кювезе. В телом пластиковом домике, голый, под этой лечебной лампой за две с половиной тысячи долларов. В вену на лбу младенцу введена тоненькая иголка, и специальная машинка медленно-медленно надавливает на шприц, вводя в кровь какой-то медикамент.

Вы скажете, что в других родильных домах вообще нету ни кювезов, ни лечебных ламп, ни специальных машинок, давящих на шприц? Ужасно, конечно, что нету. Но у вас не хватит денег накупить оборудования для всех российских роддомов. Помогите хотя бы здесь, на Пироговке. Потому что со всей России женщины с проблемами беременности едут сюда.

Из свежей почты

Натasha Сельцова, 9 лет, 4-я степень тугоухости. Нужны слуховые аппараты Digifocus SP 53 046 руб.

Помогите, пожалуйста, моей дочери! Она плохо слышит и очень страдает. В поселке-то глухих детей нет. Она у меня девятилетний ребенок. А всего в нашей семье десять детей. Все переживе, только Наташе почему-то не повезло. В два месяца она переболела бронхитом, ей кололи антибиотики. Говорят, тогда и оглохла. Но врачи считают, если купить хорошие слуховые аппараты, то она будет слышать, как все. Наташенька очень добрая, любит своих сестер и братьев. Но чем старше, тем замкнутей становится. Мы переживаем за нее, но где же таких денег добьемся?! Нынче в январе скончался муж, наш кормилец. Я, конечно, работаю, но заработки низкие. Не живем, честно говоря, а выживаем. Ну что за напасти такие на нас? Как же это, оставить девочку на всю жизнь калекой, зная, что спасенье есть?! Не дайте пропасть ребенку. **Шестопалова Наталья Вадимовна, Калужская обл.**

Председатель комитета по делам семьи областного департамента социополитики Антонина Белкина: «У Натальи Вадимовны пятеро малых детей, остальные выросли, но живут все вместе. Наталья Вадимовна трудится на овощебазе за 700 руб. в месяц. Бесплатных аппаратов на всех не хватает. Я очень признательна читателям „Коммерсанта“ за заботу о наших детисках». **Реквизиты поставщика есть в фонде.**

Елена Кулакова, 39 лет, 6 детей.

Требуется одежда, обувь, постельное белье, бытовые приборы.

У меня шестеро детей. Четыре девочки учатся, а сын шести лет и дочь шести месяцев при мне. Старшие привезли из города вашу газету, а в ней письма таких, как мы. И так меня это взяло за душу. Значит, где-то в России есть люди, которые сердцем понимают чужую беду и спасают. Какой же все-таки у нас добрый народ! Мы живем трудно. Село крохотное, ни школы, ни детсада, «скорая» к нам не выезжает. Мы с мужем очень любим детей. Они учатся хорошо, почти не огорчают. Но у нас большие трудности буквально во всем. При городском изобилии продуктов моя семья знает, что такое жить впроголодь. Работает только отец за 2500 руб. Часто болеет — страдает почками. Нам очень не хватает одежды, обуви, постельного белья, школьных принадлежностей. Электроприборы давно вышли из строя. И как жить? Ведь ни копейки не трачу попусту! А из нищеты не выбраться. Вот дочка вырастет, станет полечче. Напечатайте, пожалуйста, мое письмо в «Коммерсанте». Размеры одежды и обуви высылаю. **Кулакова Елена, Саратовская обл.**

Начальник отдела соцпроблем областного комитета соцзащиты Нина Рябина: «У нас хорошо развита соцзащита. Сами справляемся с проблемами нуждающихся граждан. Губернатор прямо нянчится с ними! И голодающих у нас нет». **По данным госпожи Рябиной доход Кулаковых в месяц составляет 3374 руб. — по 421 руб. 75 коп. на душу.**

Лена Чурбанова, инвалид 1-й группы.

Нужен компьютер, \$836.

Мне 21 год, инвалид первой группы. Однажды я написала, и вы так здорово откликнулись! Я нуждалась в коляске с электроприводом и не очень верила, что найдутся добрые люди и помогут. А вышло все так славно! И добрые люди нашлись, и я уже привычно передвигаюсь по нашему городу на обнове. Теперь мечтаю о работе. Но паралич с тяжелым нарушением функций ног и частичным поражением рук сводит эти мечты к надомной работе. Я добила своего, закончила колледж по специальности оператор компьютера. На нем можно зарабатывать рублей 500–700 в месяц! А то моей пенсии в 660 рублей не хватает и на лекарства. Я сейчас подрабатываю на пишущей машинке, но это крохи. Беда в том, что на это купить компьютер и принтер. Они стоят у нас \$836. Родители на пенсии, с трудом сводим концы с концами. Понимаю, просьба о помощи у вас очень много. И все же хочется верить и надеяться. Простите, если что не так. **Валя Лена Чурбанова, Челябинская обл.**

В телефонном разговоре Лена сказала, что с компьютером она получит работу в реабилитационном центре. Мы связались с его директором Сергеем Обуховым: «Да с компьютером Лена точно работу найдет! Такой техники в конторах не густо». **Счет-фактура от местного поставщика есть в фонде.**

Валя Семенова, 13 лет, сколиоз 4-й степени. Необходима операция по коррекции позвоночника, 192 000 руб.

Обращается к вам мама инвалида. К нам пришла большая беда, и я не знаю, куда еще стучаться. Вот уже пять лет младшая дочь Валюша страдает сколиозом IV степени. Ее перевели в интернат, где таких детей лечат, а обучаются они лежат. Мы изготовили металлические корсеты, они на какое-то время приостановили болезнь. Валя растет быстро, пришлось сделать три корсета, а они стоят больших денег: по 3000 руб. каждый. Так случилось, воспитываю двух дочерей одна. Вечерами и мыла полы в подъездах, подрабатывала дворником, но все-таки купила корсеты. А они не помогают! Горб растет, позвоночник искривлен на 62 градуса, сдавливает внутренние органы. Девочка чувствует себя все хуже. В Новосибирском НИИТО настаивают на операции. Но она стоит 192 000 руб. Столько я не зарабатую. Не дай, Господи, кому пережить отчаяние, которое не оставляет нас. Дорогие, спасите моего ребенка! **Нина Семенова, Новосибирская обл.**

Дмитрий Драгунок из местной соцзащиты сообщил, что Нина Сергеевна работает билетным кассиром, оклад 1900 руб. А хирург Михаил Михайловский заявил, что тянуть с операцией нельзя: «Давно наблюдаю Валю, болезнь прогрессирует очень быстро. Два-три месяца можно подождать, но полтора уже недопустимо». **Реквизиты НИИТО есть в фонде.**

Сергей Севастьянов, 14 лет, гемофилия.

Нужен препарат фактор IX, \$2493.

На сайте rusfond.ru мы рассказали о беде Серези. У него тяжелая гемофилия. Спасает препарат фактор IX, цена на год \$16 000. Пока собрали \$13 507.

В нашей семье год заканчивается с последним флаконом Фактора IX. Без него Сереза превращается в инвалида. Уже трижды по вашей доброй воле мы в апреле празднуем свой Новый год. Прошлым летом сын даже играл в волейбол! Мечтаю о футболе, но это пустое, нельзя. То лето и было самым ярким событием после вашего комплекта препарата на год. Мы знаем, какие это большие деньги, и очень признательны. Нельзя привыкнуть к «легкой» жизни, с ужасом екает сердце, когда заканчивается лекарство. Я верил в улучшение жизни больных гемофилией со сменой руководства в стране и в области. Ведь без препарата нам не жить. Минздрав РФ признал приказом, что он жизненно необходим. То есть будут снабжать бесплатно? Как диабетиков инсулином? Куда там, еще и цены подняли. Серезе сейчас 14. Он уже привык своими ногами ходить в школу, жить, как все, помня, что все это благодаря вам. Предел наших мечтаний: 90–100 флаконов Фактора IX по 500 ед. Цена флакона \$180. **С надеждой, инженер Севастьянов Иван, Ульяновская обл.**

Остальные письма из свежей почты фонда читайте на нашем сайте www.rusfond.ru.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми помочь. Мы получаем письма-просьбы и после тщательной проверки публикуем их в «Коммерсанте», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Если вы решили поддержать авторов-бедолаг — звоните в фонд, получаете их необходимые реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru
Тел: (095) 943-91-35, 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru